

«Господи владыко!»—простонал мой Савельич.—  
«Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!»

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном. «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей.» — Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его, он взглянул на меня быстро: «Поже мой!» сказал он. «Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет; а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» — Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Иван Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство». . . . . Это что за серемонии? Фуй, как ему не софесно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад? . . «ваше превосходительство не забыло». . . гм. . . «и. . . когда. . . покойным фельдмаршалом Мин. . . походе. . . также и. . . Каролинку». . . Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле. . . К вам моего